

Виталий ВДОВИН

ВЕСЕННЕЕ ЦВЕТЕНИЕ

Эмблема издательства

В 1918 году группа поэтов во главе с Сергеем Есениным организовала кооперативное издательство «Московская Трудовая Артель Художников Слова». По предложению Есенина издатели приняли новое летоисчисление, начало которого вели от свершения Великой Октябрьской социалистической революции.

На обложках и титульных листах книг вместо привычных выходных данных значилось: «Книгоиздательство Московская Трудовая Артель Художников Слова. 2-й год 1-го века». В некоторых книгах воспроизводилась эмблема издательства, выполненная художницей Карелиной, — изображение петуха, идущего с высоко поднятой головой. Полный внутренней энергии и напряжения, он громко поет. Пенится, закручивается, словно неспокойные волны, его гребень. Напоминает резкие, жгучие языки пламени, высоко взметнулся хвост.

Эмблема эта основательно забыта — книги, где она воспроизводилась, выходили небольшими тиражами и давно стали библиографической редкостью. Между тем идея эмблемы принадлежала Есенину и органически связана с его поэзией революционных лет. Пение петуха неоднократно упоминается в его поэмах той поры. Так, в «Пришествии» петух поет «с шести созвездий», в «Инонии» он взлетает на незримую лестницу, чтобы оттуда возвестить миру о совершившейся революции...

В изображении данного образа Есенин следует народной традиции.

Как известно, с пением петуха народ издавна связывал наступление утреннего рассвета, дня. Во многих русских деревнях бытовал обычай ставить на крыльце кровли или на ставнях деревянных петушков, как бы охраняющих жилище от бедствий.

В книге А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу...», которую С. Есенин основательно проштудировал, есть такие строки: «Петух — птица, приветствующая восход солнца, своим пением он как бы призывает это животворящее светило, прогоняет нечистую силу мрака и пробуждает к жизни усыпленную природу». «Своим громозвучным пением... петух вещал о победе над демоническими силами... и о грядущем появлении светозарного солнца».

Ведя традиции своего творчества от народных верований, Есенин обращался к ним, перерабатывая есенинский размах революции. Это нашло свое выражение и в эмблеме издательства, символизирующей рождение новой эпохи, с которой Есенин связывал свое поэтическое будущее.

«Мать моя родина...»

Вот уже более полувека во всех переизданиях поэмы С. Есенина «Иорданская голубица» хрестоматийно известные строки ее воспроизводятся с одинаковой расстановкой знаковых препинаний:

Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать — моя родина,
Я — большевик.

По свидетельству — писателя Ю. Н. Либединского, эти стро-

ки вошли в его душу «как лозунг и народная поговорка». Именно так эти строки и читаются ныне с эстрады.

Впервые пунктуация, позволяющая так воспринимать процитированное четверостишие, появилась в 1926 году, когда поэма была напечатана во втором томе собрания стихотворений С. Есенина. Редактор издания И. В. Евдокимов, объясняясь с читателями, замечавшими много погрешностей в собрании стихотворений Есенина, писал в том же году: «Государственное Издательство в точности воспроизвело тот оригинал, который доставил ему

Эмблема издательства
«Московская Трудовая Артель Художников Слова».

Небо-как колокол,
Месяц-язык
Мать моя родина,
Я большевик.

Есенинский автограф строфы из поэмы «Иорданская голубица».

Есенин... кроме изменений в пунктуации, не выдержанной и не характерной для него и только затруднявшей понимание стихотворений.

Но дело в том, что авторские, то есть характерные особенности пунктуации в интересующем нас четверостишии Евдокимов как раз и не заметил.

Да это и не удивительно. Ведь в его распоряжении не было ни автографа поэмы, который считался утерянным, ни первых ее публикаций, которые к тому времени были забыты.

Между тем автограф поэмы, хранившийся у литературного секретаря газеты «Известия» В. М. Василенко и только в 1968 году поступивший от его вдовы — Е. Г. Василенко в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, и первые прижизненные публикации свидетельствуют, что знаки препинания, расставленные Евдокимовым, исказили авторскую интонационную окраску четверостишия.

В автографе поэмы знаки препинания расставлены так:

Небо — как колокол,
Месяц — язык.
Мать моя родина,
Я большевик.

Кроме белового автографа поэмы, мы располагаем обгоревшими листками черновиков, найденных на пепелище сгоревшего 3 августа 1922 года родительского дома поэта в селе Константиново. В черновике процитированное четверостишие имеет три редакции. И во всех трех редакциях в строке «Мать моя родина» перед словом «родина» нет никакого знака препинания.

Совсем недавно стала известна первая публикация поэмы. Ее разыскал в газете «Известия Рязанского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов» от 18 августа 1918 года литературовед И. Н. Гаврилов. И там пунктуация интересующего нас четверостишия точно соответствует автографу. В соответствии с автографом расставлены знаки препинания и в публикации поэмы в газете «Известия ВЦИК» 22 августа 1918 г.

Нетрудно заметить, что при внесении одного только тире перед словом «родина», появившегося в результате позднейшего редакторского вмешательства, утрачено не только интонационное звучание, но и смысловое значение всего четверостишия. Пропало самое главное — исповедальность обращения к родине, которую Есенин, следуя лучшим традициям отечественной поэзии, отождествляет с именем матери, перед лицом которой, как на исповеди, признается в самом заветном, в том, что он — большевик.

русский Союз поэтов. В 1919 году некоторое время председателем ВСП был поэт В. Г. Шершеневич, а секретарем — Есенин. Об этом, в частности, свидетельствует хранящийся в ЦГАЛИ документ:

«УДОСТОВЕРЕНИЕ»

Настоящим Президиум Всероссийского Союза поэтов удостоверяет, что действительный член ВСП и секретарь ревизионной комиссии Союза Яков Захарович Черняк является серьезным и ответственным работником в области культуры и просвещения. Товарищем Черняком был прочтен ряд лекций по вопросам искусства и философии в городах Москве, Киеве и др. Настоящее удостоверение выдано для представления в Политическое управление Революционного Военного Совета республики.

Председатель ВСП
Вад. Шершеневич.
Секретарь
С. Есенин»

Удостоверение написано на бланке «Всероссийского Союза поэтов», имеет порядковый номер 244 и дату «11 июня 19 г.». Подписи В. Шершеневича и С. Есенина — автографы.

По поводу этого документа вдова Я. З. Черняка вспоминала: «Я полагаю, что Яша взял в Союз поэтов эту справку, когда добивался отправки на фронт добровольцем. Отправку его оформил ПУР. В справке указан июнь без обозначения года. Как характерно для того времени!.. В середине июня он добился того, что подлитоприсветом ПУР был отправлен в распоряжение Украинского реввоенсовета «в качестве организатора и политработника». Оттуда был направлен в полк на польский фронт «в качестве строевого политработника».

С августа 1920 года Я. З. Черняк заведовал секцией военно-политических курсов Политуправления РСФСР. С февраля 1922 года работал ответственным секретарем журнала «Печать и революция», выступал на страницах этого журнала с критическими статьями и рецензиями.

Имя Якова Захаровича Черняка (1898—1955) хорошо известно историкам и литературоведам, изучающим общественное и революционное движение России второй половины XIX века. Он автор многих работ, посвященных А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Однако о его участии во Всероссийском Союзе поэтов и знакомстве с С. Есениным знают немногие.

Будучи тремя годами моложе С. Есенина, Я. Черняк начал печататься в 1918 году в студенческом журнале «Парус». И уже тогда стал собирать все выходявшие книжечки С. Есенина и коллективные сборники с его участием. В библиотеке Я. Черняка хранились почти все есенинские издания, выходившие при жизни поэта. На одном из коллективных сборников «Имажинисты. Есенин. Ивнев. Мариенгоф», где был опубликован есенинский «Сорокоуст», автограф поэта: «Черняку».

ДРУЖЕСТВЕННО.
С. ЕСЕНИН
1921 31 СЕНТ.»

В том же году Я. З. Черняк написал Есенину письмо, кото-

Новое о Сергее Есенине

рое осталось неотправленным. Вот некоторые его места, воспроизводимые по автографу: «...Ты вырос большой, Сережа. Ты вырос большой... А трудно рос, милый, оно, Слово, в тебе и так и клубилось и отвердевало камнем полновесным и полноценным — но в болезнях духа совершалось чудесное прорастание, весеннее цветение песни твоей. Я хорошо понимаю, что значит твоя «Исповедь хулигана». Я хорошо понимаю, что значит звучать в голос с голосом вопиющей родины своей — в голос страшной полевой России...

А тебе уши разорвал истощенный вопль вырастающей новой России — мужик больной об твою грудь обколотил и обларпал немелкие от мук и слез и трудом нынче новому научающиеся руки. Все вынести пришлось, Сергей. И ты за многих пел.

Но больше всего сердцу рассказала весть, та, что ты пришел к заветному слову своему.

Ну скажу вот: ждалось, уже давно, что ты пробьешься к пластам вихревым своего сердца. «— Ну, а там... что там, Сережа?.. — Тебе буря — нам огонь и радость. Ну и пусть так...»

В искреннем, изобилующем восторженными восклицаниями письме двадцатилетнего юноши — глубокое понимание трагедичности поэзии Есенина, наполненной живым дыханием жизни. В те годы нечасто можно было встретить такое отношение к творчеству поэта.

После смерти Есенина Я. З. Черняк опубликовал несколько заметок и рецензий на издания, посвященные памяти поэта. В шестом номере «Печати и революции» за 1926 год была опубликована его рецензия на сборник «Есенин. Жизнь. Личность. Творчество», вышедший под редакцией Е. Ф. Никитиной, «Вокруг Сергея Есенина», подписанная псевдонимом «Як. Бенни».

Касаясь воспоминаний В. Шершеневича, вошедших в этот сборник, Я. Черняк писал: «Оратор хотел рассказать интимно, без прикрас, искренне и правдиво историю зарождения содружества нескольких поэтов, а впоследствии и художников, содружества, выросшего в конце концов в неизбежное художественное течение. ...Не правдивее ли было рассказать и о той горькой русской непричастности, которая, собственно, толкнула его (Есенина. — В. В.) к содружеству в те трудные годы, когда он говорил, что он, «как на вокзале, на пересадке — от поезда до поезда», когда он, раскаленный и одинокий в то время, искал поэтический ламентаций, а, прежде всего, жара согревающей дружбы».

Эти суждения тем более ценны, что в те годы Я. Черняк неоднократно встречался с Есениным, а его слова, взятые в кавычки, «как на вокзале, на пересадке — от поезда до поезда» сопровождал подстрочным примечанием: «Этим именно словами ответил пишущему настоящие строки С. Есенин весной 1919 г. на вопрос о том, что привело его к имажинизму и что связывает его, прежде всего поэта «Радуницы», с такими законными горожанами, как Шершеневич и Мариенгоф».

В той же рецензии Я. З. Черняк опровергал утверждение одного из авторов, будто бы Есенин был «истинным имажинистом», высмеивал нелепое суждение, что зов Есенина молиться «дымящейся земле о невозвратных и далеких» не найдет отклика у читателей...